

ВАСИЛИЙ МИХАЙЛОВИЧ ПИВОЕВ

доктор философских наук, профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин, Северный институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России) в г. Петрозаводске (Петрозаводск, Российская Федерация)
pivoev@mail.ru

ЯВЛЯЕТСЯ ЛИ ИСТОРИЯ ГУМАНИТАРНОЙ НАУКОЙ?

Вопрос, вынесенный в заголовок статьи¹, на первый взгляд любому историку покажется странным, потому что существует стереотипное представление о том, что поскольку история изучает человеческое общество в развитии, то, разумеется, она должна называться гуманитарной наукой. Однако латинское слово *humanitas* использовалось в двух значениях – *гуманный* (человечное отношение к человеку) и *гуманитарный* (имеющий объектом человеческий дух, выраженный в слове). Первое значение имеет моральный смысл и нас сейчас не интересует, а вот со вторым нужно разобраться. Книга британского историка науки Р. Смита «История гуманитарных наук» [11] рассматривает историю представлений о человеческой природе в европейской науке. Здесь термин «гуманитарный» используется не вполне корректно, правильнее бы следовало перевести название как «история изучения человеческой природы». С другой стороны, Фернан Бродель в «Грамматике цивилизаций» неявно относит историю именно к социальным наукам [2]. Однако российские историки думают иначе: «...История должна быть наукой *антропоцентричной*» [4; 6]. Неявное смешение социальных и гуманитарных наук содержится в содержательной книге В. М. Розина «Особенности дискурса и образцы исследования в гуманитарной науке» [10]. В коллективной монографии под редакцией И. М. Савельевой и А. В. Полетаева, посвященной проблеме «классики», статьи поделены на разделы: социальные науки, гуманитарные и искусствоведение. В первом разделе статьи о классике в социологии, экономике, политологии и психологии. Во втором разделе – история, филология и лингвистика, философия. В третьем – искусство и культура. Таким образом, история отнесена к разделу гуманитарных наук [5; 294–331]. Вместе с тем начинается различение классов наук в соответствии с вычленением разных подходов и точек зрения на объект и предмет научного изучения. Например, «для технических наук ведущим стимулом выступает производство, для естественных – базовые потребности человека, для общественных – социальные проблемы, для гуманитарных – познание человека» [8; 4].

Начало различения естественных (наук о природе) и социальных (наук о духе) наук принадлежит В. Дильтею и М. Веберу, затем их идеи развил Г. Риккерт. Они полагали, что социальные науки являются идеографическими, им свойственны индивидуализирующая концептуализация и поиск единичных утвердительных суждений, в то время как естественные науки являются номотетическими, для них характерны обобщающая концептуализация и поиск всеобщих достоверных суждений. Естествоиспытатели имеют дело с постоянными отношениями, которые могут быть формализованы, величина их может быть измерена, могут проводить эксперименты, в то время как ни измерение, ни эксперимент (хотя иногда и пытаются их использовать) не обеспечивают столь же надежную фактическую основу для социальных наук. Словом, сторонники этой школы утверждают, что естественные науки должны иметь дело с материальными объектами и процессами, социальные же науки – с психологическими и интеллектуальными и что, следовательно, методом первых является объяснение, вторых – понимание.

Как утверждал А. Шопенгауэр, «история – это знание, а не наука» [13; Т. 1, 68]. Здесь имеется в виду представление о науке и научности, выработанное в рамках естествознания. «Только одна история не имеет права вступить в... ряд наук, ибо она не может похвалиться теми же достоинствами, что другие: в ней отсутствует основной признак науки – субординация познанных фактов; вместо этого она предлагает их простую координацию. Поэтому не существует никакой системы истории, хотя и есть системы всех других наук. Она представляет собою знание, а не науку. Ибо она нигде не познает частного посредством общего, но должна брать частное непосредственно как таковое и, следовательно, словно бы ползти вперед на почве опыта, между тем как действительные науки над этой почвой поднимаются, ибо они вырабатывают себе такие всеобъемлющие понятия, посредством которых овладевают частностями и по крайней мере в известных границах угадывают возможные в данной области явления, так что они могут быть спокойны и по

отношению к тому, что еще может когда-нибудь возникнуть в этой сфере. Науки, будучи системами понятий, всегда говорят о родах вещей, история же – об индивидуальных фактах. Ее можно было бы назвать наукой об индивидах, но ведь это – противоречивое сочетание слов. Из родового характера наук вытекает еще и то, что все они говорят о том, что существует всегда, история же повествует о том, что свершается только однажды и затем исчезает» [13; Т. 2, 368].

Легко догадаться, что здесь сыграло свою роль мнение Аристотеля, который в трактате «Поэтика» писал: «...задача поэта – говорить не о том, что было, а о том, что могло бы быть, будучи возможно в силу вероятности или необходимости. ...Один говорит о том, что было, а другой о том, что могло бы быть. Поэтому поэзия философичнее и серьезнее истории, ибо поэзия больше говорит об общем, а история – о единичном. Общее есть то, что по необходимости или вероятности такому-то [характеру] подобает говорить или делать...» [1; 655]. Нужно отметить далее справедливое утверждение А. Шопенгауэра, что историку не интересен отдельный человек, но важно через него понять дух общества, народа, социальные проблемы. Сущность искусства, по его словам, схожа с историей в том, что искусству «один случай заменяет тысячи, так как при своем заботливом и подробном изображении индивидов оно всегда имеет в виду лишь раскрытие *идеи* всего рода; так, событие, сцена из человеческой жизни, рассказанные верно и полно, т. е. с точным изображением участвующих индивидов, дают возможность глубоко заглянуть с какой-нибудь стороны в идею самого человечества» [13; Т. 5, 325].

Ф. Ницше, размышляя «о пользе и вреде истории для жизни», замечает, что в отличие от животного, которое живет всегда только настоящим, человек отягощен прошлым опытом, памятью, он не способен забывать. Прошлое своими цепями сковывает человека, ограничивает его свободу, поэтому, находясь в настоящем времени, он живет прошлым [7; 88–89]. Иначе, чем на Западе, относятся к истории на Востоке, где время полагается движущимся по кругу, производящим «вечное возвращение». Такое представление не чуждо Ницше. Ибо есть «исторические» люди, которые «оглядываются назад только затем, чтобы путем изучения предшествующих стадий процесса понять настоящее и научиться энергичнее желать будущего» [7; 95]. Еще Полибий замечал, что политическая история может быть великолепным учебником для политических руководителей, но на самом деле история не может повторяться в точности так, как это было в прошлом. По словам Ф. Ницше, «в азартной борьбе будущего и случая никогда не выпадет до конца одинаковая комбинация» [7; 101]. Поэтому не стоит преувеличивать подготовленность человека, знающего историю, к будущим событиям.

И все же пользу от истории Ницше не отрицал: «История трояким образом служит живущему: как существу деятельному и стремящемуся, как существу страждущему и нуждающемуся в освобождении. Этой тройственности отношений соответствует тройственность родов истории, поскольку можно различать *монументальный, антикварный и критический* род истории» [7; 97]. Поясняя свои мысли, он писал: «Если человек, желающий создать нечто великое, вообще нуждается в прошлом, то он овладевает им при помощи монументальной истории; кто, напротив, желает оставаться в пределах привычного и освященного преданием, тот смотрит на прошлое глазами историка-антиквара, и только тот, чью грудь теснит забота о нуждах настоящего и кто задался целью сбросить с себя какую бы то ни было ценою угнетающую его тягость, чувствует потребность в критической, то есть судящей и осуждающей, истории» [7; 103–104].

Французский социолог П. Бурдьё в наши дни задает вопрос: имеют ли право социология и история называться науками: «С тех пор, как существуют социальные науки, они уже не становились предметом методологического сомнения, а некоторые философы даже сделали глашатаями их априорной ненаучности в силу аргумента, неустанно повторяемого во всех курсах философии, – будь то во Франции или в Гарварде, – согласно которому ученый, погруженный в изучаемую им реальность, принципиально не может иметь “объективного” воззрения на свой предмет. В канонической форме мы встречаем такого рода критику у Раймона Арона, но ее постоянно воспроизводят множество других аналитиков, которые уверены, что тем самым раз и навсегда покончили с претензией социальных наук на научность. Действительно, социолог находится В обществе, а историк – В истории» [3]. Такая точка зрения, как мы уже знаем, обусловлена господствующим представлением о научности, сложившимся в естествознании. Но если учесть, что существуют четыре класса наук: естественные, технические, социальные и гуманитарные, – и в каждом из них вырабатываются своя методология и критерии научности, то легко показать, что претензии естествоиспытателей для узурпирования прав на научность не вполне обоснованны.

Так, современные ученые высказывают справедливые сомнения в возможности обнаружения истины в истории (как и в других социальных науках), поэтому возможно говорить лишь о достоверности, оговаривая ее критерии в каждом случае. По язвительному замечанию А. Шопенгауэра, «муза истории Клио так же насквозь заражена ложью, как уличная проститутка – сифилисом» [13; Т. 5, 347]. Это сегодня можно в немалой степени отнести к украинским и польским историкам, которые по заказу политиче-

ского руководства переписывают и искажают историю своей страны и отношений украинского и польского народа с Россией. «Многие люди приучены к ненарушимой честности в каком-либо *одном* отношении и в то же время не могут похвастаться этим во всех остальных. Так, иной не станет красть денег, но ворует все непосредственно съедобное. Иной купец обманывает безо всякой щепетильности, но красть он не стал бы ни под каким видом» [13; Т. 5, 346].

Как заметил еще В. Дильтей, естественнонаучное познание стремится все новое соотнести с уже известным и на этой основе *объяснить* данное новое и обнаружить причины, чтобы впоследствии попытаться прогнозировать возможные последствия от человеческих действий. Науки о духе действуют иначе: они пытаются все новое соотнести с потребностями человека и *понять*, какие потребности можно с помощью этого нового удовлетворить. Поскольку речь идет о потребностях человека, то и возникла традиция такие науки называть *гуманитарными*. Однако потребности можно разделить на два больших класса: общие социальные и индивидуальные. Поэтому возникает необходимость различать науки, которые занимаются общественными потребностями, и называть их социальными, и науки, которые занимаются потребностями человека-индивида, — гуманитарными (в узком смысле слова).

История как наука не интересуется потребностями отдельного человека, разве что этот человек и его потребности являются типичным, характерным выражением той исторической эпохи, в которой он жил. История, как и социология, изучает то, что является одинаковым в разных людях. Их неповторимое разнообразие отбрасывается. Подобный подход усвоен от естествознания. Так, современная медицина, будучи, главным образом, воспитана в духе естественнонаучных подходов, полагает всех пациентов одинаковыми «биороботами», поэтому и пытается лечить их соответственно так называемым «протоколам», разработанным в медицинских институтах биохимическим программам, отходить от которых врачу не дозволяется. Главное для врача — на основе биохимического анализа крови и других объективных данных правильно установить диагноз болезни и лечить ее так, как предусмотрено утвержденным «протоколом».

И второе исключение — историк проявляет интерес к выдающейся личности, которая оказала на свою эпоху в силу сложившихся удачных обстоятельств особенно большое влияние.

В основе исторической науки лежит представление о том, что социальная реальность имеет темпоральный характер. Это связано с привычкой «левополушарного» рационального сознания членить события на отдельные эпизоды, которые рассматриваются по очереди, выявляя следующие характеристики:

- Континуальность и дискретность;
- Равномерность и неравномерность;
- Линейность и цикличность;
- Плотность и пустоту;
- Обратимость и необратимость.

Существуют попытки объяснить социальное поведение на основе примитивных представлений о «дрессированности» человека. Такова теория социального обмена Дж. Хоманса и П. Блау, которая явно связана с бихевиоризмом Б. Ф. Скиннера:

- чем чаще поступок вознаграждается, тем чаще он повторяется;
- если в прошлом происходило вознаграждение в некой ситуации, люди хотят воссоздать эту ситуацию;
- если вознаграждение велико, люди готовы на большие жертвы для его получения;
- если потребности человека почти полностью удовлетворены, люди меньше готовы тратить дополнительные усилия для их удовлетворения (то есть материальные стимулы для повышения производительности труда имеют свои пределы) [12].

В социальных науках можно использовать методологию герменевтики: ее основатель Ф. Шлейермахер считал, что понять исторический текст — значит проникнуть в духовный мир творца этого текста и повторить его творческий акт. Для его последователя В. Дильтея понимание было специфическим методом общественных наук, методом психологической реконструкции духовного мира человека прошлого и переноса его в настоящее.

Методология исторического знания основывается на следующих подходах:

- Поиск исторических условий и причин;
- Изучение и описание исторических условий и событий;
- Объяснение условий, причин и закономерностей;
- Ретроальтернативистика [6].

Однако изучение причин не может быть главной целью историка, поскольку причинные связи очевидны и проявляются достаточно четко лишь в материальном мире. Но поскольку историк изучает не столько материальную историю (природный мир в его эволюции), сколько сферу социальную (отношения людей во времени), то гораздо важнее изучение потребностей, мотивов, обычаев, традиций, моральных и правовых устоев, мифологических основ и религиозных верований, идейных установок и убеждений, характера патриотизма, менталитета и духа народа.

Историческое знание должно отвечать принципам: объективности, разумности, целесообразности, многосторонности, целостности (обнаружения общего в различном и различного в общем). Объективность исторического исследования заключается в том, что, во-первых,

историк, устанавливающий хронологию событий прошлого, всегда стремится выявить и сопоставить множество независимых исторических свидетельств, выступающих для него в функции данных наблюдения. Во-вторых, для установления факта необходимо истолкование выявляемого в наблюдениях инвариантного содержания. В процессе такого истолкования широко используются ранее полученные знания. При этом историк применяет в некоторой степени типичный для естествоиспытателя метод – соотносит неизвестное с уже известным. При этом, конечно, достичь полной объективности никогда не удастся, система ценностных установок историка обязательно вносит свои коррективы и искажения.

Немецкий философ истории Кеселек показал в своей книге «Будущее прошлое», что прошлое имеет будущее – его новое понимание, отличающееся от существующих в настоящем представлений о нем. Структура повествования во времени основывается на отношении ожидания будущего, с одной стороны, и обращения к наследию прошлого – с другой. Это напряженное соотношение между упованиями на будущее, возможно утопическими, и опорой на наследие прошлого, возможно отягощенной консерватизмом, и будет характеризовать настоящую эпоху. Можно сказать, что дух новизны заключается в переоценке грядущего будущего с позиции достижений прошлого. Молодое поколение живет в будущем времени, старшее поколение живет в прошлом, а кто живет в настоящем?

В процессе восприятия каких-либо сообщений каждый слушатель не вполне осознанно производит верификацию воспринятой информации, оценку ее достоверности, соотнося ее с имеющимся в его памяти багажом знаний. Если она не противоречит тому, что он знает, то информация воспринимается с доверием, признается достоверным знанием. Если же нет, он относится к ней без доверия. Если он не может вынести о ней никакого суждения, то степень достоверности ее он оценивает в процентах 50 на 50 (или «да», или «нет»). Если же из другого источника поступает сообщение, подтверждающее достоверность первого, то степень доверия к нему может увеличиваться до 60 % и выше, пока не дойдет до 100 %, после чего он считает первое сообщение вполне заслуживающим доверия, то есть достоверным знанием или истиной. В сфере практической, а также в естественных и технических науках можно пользоваться знанием, чья достоверность является не менее 100%-ной, а в гуманитарной сфере вполне можно пользоваться информацией, которая не имеет еще статуса 100%-ной достоверности, разумеется, отдавая себе отчет в ее не полной достоверности, например в ранге мнения или гипотезы. В связи с этим можно говорить, что в социальных и гуманитарных науках категория «истина» не вполне применима, предпочтитель-

нее использовать категорию «достоверность», отдавая себе отчет в степени ее подтверждения реальными фактами.

Отдельного разговора заслуживает вопрос о причинности в социальном и гуманитарном знании. А. Шопенгауэр справедливо говорил о роли причинности в материальном мире, поэтому для естественных и технических наук изучение причин имеет крайне важное значение. Другое дело науки социальные и гуманитарные. Одна и та же причина в разных социальных условиях срабатывает неодинаково. Так, методика «цветных революций» успешно была реализована в Грузии и на Украине, но не дала результатов в России. В основе иллюзий о «дрессированности» человека, возникших на основе опытов с голубями, лежит идея об однозначной, линейной причинности. В социальной и гуманитарной сферах трудно достичь такой однозначности. Здесь действует множество факторов: социально-психологических, духовных, культурных, идеологических, этнических и национальных традиций и т. п. Говорить о причинности в узком смысле слова при этом невозможно, но и даже попытаться построить какую-то схему параллелограмма сил не представляется возможным. Поэтому лучше отказаться от рационально-наглядного метода как такового.

Объектом социальных наук является социальная реальность, энергия действий народных масс, а предметом – общественные отношения. Объектом гуманитарных наук мы считаем духовную реальность, духовную субстанцию и энергию, а предметом – душу и дух человека. Различия четырех классов наук можно наглядно представить в таблице [9; 171].

Таким образом, термин «гуманитарный» в современном русском языке используется в нескольких значениях: 1) как выражение обеспеченности/необеспеченности базовых потребностей человеческого существования в социальной сфере (гуманитарная катастрофа, гуманитарная помощь); 2) для выражения ценностного аспекта в различных социально-экономических сферах (гуманного отношения к человеку); 3) в широком смысле слова гуманитарные науки – это науки, направленные на изучение человеческого общества (на самом деле, это социальные науки); 4) в узком смысле – науки, связанные с изучением субъективной сферы, духовной культуры, сознания, души и духа отдельного индивида.

В социальных и гуманитарных науках однозначные ответы на вопросы не желательны, поскольку выражают односторонний взгляд на предмет. Так, требование создать единый учебник истории России является симптомом господства рационального (по сути, естественнонаучного) методологического подхода в общественном сознании, что также не отвечает методологии этих наук. Поэтому на поставленный вопрос:

Естественные науки	Технические науки	Социальные науки	Гуманитарные науки
Объект – естественная материальная природная реальность (материальная субстанция)	Объект – искусственно переработанная материальная реальность (материальная субстанция)	Объект – социальная реальность (поле социальных отношений, социальная реальность)	Объект – духовная реальность (духовная субстанция)
Объективность	Объективность	Релятивистская объективность	Субъективная объективность
Биохимическая и физическая энергия	Механическая и электрическая энергия	Социальная энергия масс	Духовная энергия
Стремление к математизации знания	Максимальная математизация знания	Минимальные возможности математизации	Проблематичность математизации знания
Однозначный детерминизм	Однозначный детерминизм	Многозначная обусловленность	Ценностный телеологизм
Практика как критерий истины	Практика как критерий истины	Польза как критерий достоверности	Ценность как критерий достоверности

является ли история гуманитарной наукой? – нельзя ответить, не впадая в односторонность, «да» или «нет». С одной стороны, она рассматривает историю человека и человечества, сближаясь с гуманитарной наукой, с другой стороны, для историков важнее не сам человек, а отношения людей, народные массы, социальная реальность, поэтому история как наука в большей степени должна быть отнесена к сфере социальных наук.

В процентах это можно выразить так: на 30 процентов она может считаться гуманитарной наукой, а на 70 – социальной. Разумеется, речь не идет о противопоставлении, изолировании социальных и гуманитарных наук, а о правильном понимании их соотношения и осознанном и корректном использовании соответствующей методологии для решения тех или иных задач исследования.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Пока статья готовилась к печати, стало известно о публикации статьи И. М. Савельевой на близкую тему, автор которой рассматривает вопрос с позиций историка и делает схожие выводы. См.: Савельева И. М. Стала ли история социальной наукой? // Диалог со временем: Альманах интеллектуальной истории. Вып. 50. М.: ИВИ, 2015. С. 9–33.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аристотель. Поэтика // Сочинения: В 4 т. М.: Мысль, 1983. Т. 4. С. 645–680.
2. Бродель Ф. Грамматика цивилизаций. М.: Весь мир, 2008. 552 с.
3. Бурдые П. За рационалистический историзм // Социо-Логос постмодернизма'97. Альманах Российско-французского центра социологических исследований Института социологии РАН. М., 1996. С. 9–29.
4. Евтушенко С. А. Убийство сыновей Владимира Святого: Борис, Глеб, Святослав. М.: Социально-политическая мысль, 2008. 194 с.
5. Классика и классики в социальном и гуманитарном знании. М.: Новое литературное обозрение, 2009. 536 с.
6. Модестов С. А. Бытие несвершившегося. М.: Московский общественный научный фонд: ООО «Издательский центр научных и учебных программ», 2000. 176 с.
7. Ницше Ф. Несвоевременные размышления. Ч. 2. О пользе и вреде истории для жизни // Полное собрание сочинений: В 13 т. М.: Культурная Революция, 2014. Т. 1, ч. 2. С. 83–172.
8. Орлов И. Б. «Человек исторический» в системе гуманитарного знания. М.: Изд-во ГУ ВШЭ, 2010. 172 с.
9. Пивоев В. М. Философия и методология науки. 2-е изд. М.: Берлин: Директ-Медиа, 2014. 321 с.
10. Розин В. М. Особенности дискурса и образцы исследования в гуманитарной науке. М.: ЛИБРОКОМ, 2009. 208 с.
11. Смит Р. История гуманитарных наук. М.: Изд-во ГУ ВШЭ, 2008. 392 с.
12. Хоманс Дж. Социальное поведение как обмен // Современная зарубежная социальная психология. М.: Изд-во Московского ун-та, 1984. С. 82–91.
13. Шопенгауэр А. Собрание сочинений: В 6 т. М.: Республика: Дмитрий Сечин, 2011.

Поступила в редакцию 14.04.2015